

жизни. И, подобно уже угасшей звезде, свет которой до нас через тысячу лет, стихи его будут востребованы будущим («Полдень в комнате»), верит поэт.

Блейковский интертекст стал неотъемлемой частью поэзии И. Бродского, встраиваясь в экзистенциалистско-модернистскую философско-поэтическую систему И. Бродского, сопровождаясь углублением и наращиванием смыслов, отчасти вольному перекодированию. И. Бродским используются такие типы интертекстуальности, как непосредственное цитирование, парафраз, метатекстуальность, паратекстуальность, гипертекстуальность, архитектурность (по Ж. Женетту). Сам раскрепощенный белый стих, присущий поэмам У. Блейка и разрастающийся в некоторых случаях «в семиударный стих, поскольку число неударных слогов между ударениями не регулировано» [7, с. 25–26], в какой-то степени предвосхищающий свободный стих, также оказался близок И. Бродскому с его движением к раскрепощению и «прозаизации» стиха (особенно в «больших стихотворениях» и поэмах). У. Блейк – один из тех, кто помог И. Бродскому вписаться в мировую культуру, повлиял на формирование его образной системы, дал импульс к собственным новаторским открытиям.

Библиографические ссылки

1. Бальмонт, К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи / К. Бальмонт. – М.: Правда, 1991. – 606 с.
2. Блейк, В. Избранное / В. Блейк; пер. С. Маршака. – М.: Худож. лит., 1965. – 182 с.
3. Бродский, И. Поклониться тени: эссе / И. Бродский. – СПб.: Азбука, 2000. – 320 с.
4. Бродский, И. Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т. – Минск: Эридан, 1992. – Т. 1. – 480 с.
5. Бродский, И. Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: в 2 т. – Минск: Эридан, 1992. – Т. 2. – 473 с.
6. Донн, Д. Священные сонеты / Д. Донн // Английская лирика первой половины XVII века. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 120–135.
7. Жирмунский, В. Вильям Блейк (1757–1827) / В. Жирмунский // Блейк, В. Избранное / В. Блейк; пер. С. Маршака. – М.: Худож. лит., 1965. – С. 5–34.
8. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Искусство, 1991. – 586 с.
9. Пуришев, Б. И. [Комментарии] / Б. И. Пуришев, Б. И. Колесников, Я. Н. Засурский // Зарубежная литература XVII века: хрестоматия: в 2 т. – М.: Высш. школа, 1988. – Т. 1. – С. 344–345, 354.

УДК 821.161.3.09:821.162

РЕЦЕПЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ КЛАССИКИ В БОЛГАРИИ (БОЛГАРСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «РОМАНСА» М. БОГДАНОВИЧА)

Р. Т. Станкевич

Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского

Пловдив, Республика Болгария

roza_s@abv.bg

В статье проведен сопоставительный анализ болгарских интерпретаций Христо Попова и Найдена Вылчева стихотворения Максима Богдановича «Романс».

Ключевые слова: интерпретация; поэтический перевод; М. Богданович.

RECEPTION OF BELARUSIAN CLASSICS IN BULGARIA (BULGARIAN INTERPRETATIONS OF «ROMANCE» BY M. BOGDANOVICH)

R. T. Stankevich

*Plovdiv University named after Paisia of Hilendarsky
Plovdiv, Republic of Bulgaria
roza_s@abv.bg*

In the article comparative analysis of Bulgarian interpretations of Hristo Popov and Found Vylchev of Maxim Bogdanovich's poem "Romance".

Key words: interpretation; poetry translation; M. Bagdanovich.

*«Поэт рождается не однажды. Он рождается миллионы
раз – снова и снова, в новых и новых своих читателях»
(Олег Лойка)*

Белорусский ученый, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор Олег Антонович Лойко подсчитал, что у Пушкина было примерно 700 лирических стихотворений, у Янки Купалы – около 900, у Максима Богдановича примерно 250. И у каждого из них порядка 40 произведений принято считать хрестоматийными, живущими на слуху. Хотя он меньше написал, меньше прожил.

Одним из таких «хрестоматийных» стихотворений М. Богдановича является его великолепный «Романс», ставшим широко любимой народом песней, настоящим белорусским гимном любви.

Вслушаемся в звучание «Романса» на болгарском языке:

Кротко Венера изгря над земята,
в спомени светли, душата замря...
Помниш ли – срещнах се с теб, и в тъмата
кротко Венера изгря [2, с. 60].

Не каждый переводчик осмелится приступить к переводу такого произведения, как «Романс» М. Богдановича, которое давно стало символом возвышенной любви, гимном белорусской национальной душевности, поэтической «святыней» белорусов. При переводе таких стихов всегда есть опасность, что будет передан только смысл и потеряно то, что рождено вдохновением, утрачено их таинственное очарование – гармония смыслового образа и звучащей строки. Для этого нужна не только смелость и зрелое мастерство, но и совершенно особый дар интерпретатора, способность проникать в глубинную сущность другой национальной культуры, другой человеческой души, умение постичь, сохранить и перевоплотить «магию» слова. Каким же образом это удалось Христо Попову? А ему действительно удалось, поскольку его новое языковое воплощение «Романса» М. Богдановича звучит как настоящий романс и так же, как в оригинале, не нарушая совершенной гармонии звуков, «поется» на болгарском языке.

В переводческом «кодексе» есть свои законы. По мнению французского критика и теоретика Этьен Доле «первым законом» является «приближение к объективной реальности оригинала», ибо только овладев всеми выразительными средствами, можно в совершенстве передать смысл и материю переводимого автора.

Проследим, насколько болгарский переводчик сумел воспроизвести смысловую точность оригинала. Посчитаем, сколько «смысловых единиц» в первом четверостишии оригинала:

/1/Зорка/2/ Венера/3/ ўзышла/4/ над /5/зямлёю
/6/Светлыя/7/ згадкі /8/ з сабой/9/ прывяла...
/10/Помніш /11/ калі /12/ я /13/ спаткаўся /14/ з табою,
/15/ Зорка /16/ Венера /17/ ўзышла.
Сколько из них сохранено в болгарском переводе?

/1/Кротко /2 /Венера изгря/3/ над /4/ земята,
 /5/ в спомени /6/ светли душата замря...
 /7/ Помниш ли – /8/ срещнах се /9/ с теб – и в тъмата
 кротко /10/ Венера /11/ изгря.

Из семнадцати смысловых единиц подлинника в переводе переданы только одиннадцать. Вместо пропущенных шести переводчик добавил семь новых. Выходит, не совсем «точно» он передал смысл оригинала.

Уместным было бы здесь привести еще и перевод Н. Вылчева:

Светна /1/Венера /2/ над нас безутешна,
 Тръгнах към старите/3/ спомени аз...
 /4/Помниш ли, че и когато /5/те/6/ срещнах
 Светна /7/Венера над нас? [3, с. 69]

Найден Вылчев сохранил только семь смысловых единиц подлинника и добавил свои тринадцать: вместо воспроизведения слова «зорка» (звезда) он говорит о том, как эта звезда светит («светна») и как она «безутешно» (безутешно) светит. Далее переводчик отправляется к «старите спомени» (к старым воспоминаниям). Некоторые из нововведенных смысловых единиц вытекают из контекста белорусского оригинала и этим можно объяснить их присутствие в этой болгарской интерпретации. Особенно глагол «светна» вместо «зорка», так как и у М. Богдановича Венера всходит и «светлыя згадкі» (светлые воспоминания) приносит.

Венера Н. Вылчева светит «безутешно». Переводчик так почувствовал «Романс» и еще в первой строчке своего воссоздания акцентировал внимание на ощущении безутешности. Его Венера светит «безутешно», наверно, потому, что не суждено ей увидеть счастливых влюбленных. Можно ли говорить о влюбленных в традиционном представлении? «Влюбленный» в этом «Романсе» только лирический герой. Его «ціхае каханне» (тихая любовь) перерастает в «моцна кахаў я цябе, дарагая» (сильно любил я тебя, дорогая). Но час расставания неизбежен, и он, затаив свою любовь, будет «кожную ночку на зорку дзівіцца» (каждую ночь звездой восхищаться). Она – лишь светлое воспоминание и светлая надежда на воскресение любви. На земле эта любовь неосуществима, она «безутешна», как сказано в воссоздании Н. Вылчева.

Венера М. Богдановича восходит «над зямлёю» (над землею), а не «над нас» (над нами). Нигде лирические герои не встречаются в «Романсе». Поэт только вспоминает о том, что когда-то встретился с нею. И только в конце романа, и только их взгляды встретятся, быть может. Только там, на Венере, быть может, сольются их взгляды. Но не влюбленных, а влюбленного и его возлюбленной.

В этом переводе встречаются некоторые неточности. Вместо: «ў далёкім краю» – «утре далече» (завтра далеко); «ў сэрцы любоў затаіўшы» (в сердце любовь затаив) – «в мрака на чуждата степ» (во мраке чужой степи). Степи? Откуда они появляются? С подобными «степями» мы уже встречались в переводах Н. Вылчева, когда он переводил Я. Купалу еще с русского языка и посредством введения образа «степей» воссоздавал представление о масштабности происходящего. Степей, однако, нет в Беларуси, нет и в Болгарии.

Максим Богданович позволил себе назвать Венеру, планету любви «зоркай» (звездой), и он имел свое на это основание. Но назвать Венеру «звездичка» (звездочка), на наш взгляд, совершенно неправомерно.

Слишком мажорно звучит это «взирај се в нея и ти», в нем чувствуется какое-то напряжение и какое-то повеление. В болгарском переводе читаем: «нашите погледи в светли мечти» (наши взгляды в светлых мечтах) – «ще потънат» (утонут), тогда как в оригинале «у расстанні» (в разлуке) не «тонут», а сливаются («зліем мы») взгляды влюбленных.

Иногда в переводе один неточный эмоциональный штрих, привнесенный фальшивый звук легко могут погубить цельность переводимого произведения. Довольно часто излишняя вольность в переводе оборачивается нарушением полноты авторского дыхания, когда потери не получают необходимой художественной компенсации. Где та мера соответствия и несоответствия, потерь и компенсации? Нельзя не обратить внимания еще и на то, что в данном переводе нарушена форма подлинника – текст разделен на 5 строф, к тому же отсутствует эпиграф из Сюлли-Прюдома. А белорусский поэт придавал особое значение эпиграфам, они всегда играют важную эмоциональную и идейно-направляющую роль в его поэзии. «Ей», Звезде Венере, «принадлежит» любовь поэта. Необъяснимо, почему такой

вдумчивый поэт-лирик и переводчик с 30-летним стажем не вслушался в эпиграф М. Богдановича и не привел его.

Другой болгарский переводчик Х. Попов, придерживаясь подлинника, сохраняет эпиграф и сам переводит его с французского языка.

Продолжая сравнительный анализ переводов, проследим как и насколько удалось Х. Попову «компенсировать» отсутствующие шесть смысловых единиц (из 17 в его переводе переданы только 11). В его воссоздании Венера восходит «кротко». Можно было бы и на болгарский язык перевести «Звезда Венера», и он не потерял бы тогда две смысловые единицы. Над этим образом (не просто образом, а образом-символом!) переводчик, вероятно, долго размышлял. Можно было бы использовать эпитеты и «ярко», и «светло», и «късно», и «рано». Нет! Венера у Максима Богдановича, в представлении переводчика, может взойти только «кротко». Х. Попов воспринял это слово не только как отдельную смысловую единицу, а в его динамике взаимодействия с другими смысловыми оттенками речи.

В поэзии между значением слова и его звучанием существует взаимосвязь. Попробуем рассмотреть другую сторону – звуковую: как в переводе воссоздана особая, неподражаемая «музыкальность» этого шедевра белорусской поэзии, словесная аранжировка материала.

Исследователи неоднократно подчеркивали музыкальность как отличительную черту стихотворений М. Богдановича и разнообразие приемов поэтической техники, с помощью которой эта музыкальность и создается. Звук, напевность, мелодический строй стиха часто оказываются организующим началом в лирике белорусского поэта.

Попробуем рассмотреть звуковую организацию стиха М. Богдановича, т. е. те средства, которыми достигается «звукопись» в оригинале и в его болгарской интерпретации. Подойдя к «материи», позволим себе рассмотреть ее подробно (насколько это возможно в рамках данного исследования). Приведем пример того, как в общей системе эвфонии располагаются звуки в последовательных звукорядах. Снова обратимся к первому четверостишию «Романса» (возьмем те звуки, которые повторяются в начале или в конце слова и в ударном слоге).

При сравнении оригинала с его болгарским переводом видим количественное совпадение или несовпадение повторяющихся звуков: «з» в оригинале повторяется 7 раз, в переводе – (4); «р» – 4 – (4); «а» – 6 – (8); «с» – 2 – (3); «о» – 2 – (0); «т» – 2 – (0); «к» – 0 – (4); «и» – 0 – (4). Но в общей звуковой гармонии участвуют и другие звуки, например, звук «з» в слове «зорка» образует в первом двустии анафору («зорка... ўзышла... Зямлёю... згадкі з сабою»).

В переводе, поскольку слово «зорка» отсутствует, возьмем звук «з» в слове «изгря». В двустии он образует тоже анафору («изгря... земята... замря»). Звук «а» в слове «зорка» в первом двустии оригинала образует эпифору («Зорка Венера ўзышла... прывяла»), а в слове «ўзышла» – стык (ўзышла над).

В болгарском воссоздании звук «а» в двустии образует два стыка («Венера... над» и «душата замря») и эпифору («Венера... земята... душата»); звук «с» в слове «светлыя» и во второй строчке оригинала образует анафору («светлыя... сабой»), точно такую анафору встречаем в переводе («спомени светли»); звук «о» в слове «помнишь» в третьей строчке оригинала образует рондо («помніш... табою»), в переводе же в слове «кротко» звук «о», как и звук «к», образует рондо внутри слова («кротко»); а звук «е» в слове «срещнах» – рондо «срещнах се» и анафору («срещнах... теб»).

Наиболее сложной считается перекрестная система аллитерации и ассонансов (gemintio), где сначала проявляется один звук, потом другой, третий... и снова повторяется первый, второй... В том, что М. Богданович часто обращается к этой сложной, но особенно изящной эвфонии нетрудно убедиться на примере многих его стихотворений. Наша задача – исследовать, как переводчик добивается адекватности звучания, словесной инструментовки.

В каждой строчке четверостишия, как в оригинале, так и в переводе, наблюдается эта великолепная игра звуков:

в первом звукоряде сначала появляется звук «з», потом «р», потом «а» и снова они повторяются, хотя в другом порядке – «р» – «а» – «з» (в переводе: сначала появляется «к», потом «р» – «к» – «р», после этого идет «а» – «з» – «а» – «з» – «а»);

во втором звукоряде оригинала: «с» – «з» – «з» – «с» . . . (в переводе: «с» – «и» – «с» – «и» . . .);

в третьем: «о» – «и» – «и» – «о». . . (в переводе: «и» – «и» – «е» – «е» – «и»).

Примерно такая же система эвфонии – все четыре перекрестные сохранены: анафорные в оригинале и в переводе – по 2; эпифорная – одна в оригинале и одна в переводе; стыки в оригинале – 1, в переводе – 2 и рондо в оригинале – 1, в переводе – 2.

Нельзя не согласиться с тем, что если можно было бы перевести на язык алгебры гармонию, то стихи Богдановича (а так же и перевод Х. Попова) развернулись бы в логичную последовательность математической формулы. Кажется, из любого стихотворения М. Богдановича можно вывести закон «золотого сечения» поэзии [4, с. 30].

Искусство художественного слова, как и любое искусство неповторимо. Неповторимость художественного слова гениального белорусского поэта Максима Богдановича повторяется в болгарских интерпретациях Христо Попова.

Звучит «Романс» Максима Богдановича на болгарском языке. Над болгарской землей «восходит» Венера Максима Богдановича. Так же к небу рвется торжественный хорал, так же волнующе возвышенно, светло и грустно звуки сливаются, словно души влюбленных в поднебесье. И замирают...

Как будто нечто невидимое и сильное, чарующее поднимает тебя аж до Неба. И ты сам становишься звуком этой торжественной хоральной гармонии небесного песнопения, которое воскрешает самые хрупкие, деликатные и самые потайные чувства человеческого сердца...

Такую новую жизнь обрел «Романс» Максима Богдановича.

Сидя в уютной софийской мансарде-кабинете Христо Попова, болгарского переводчика Максима Богдановича, в которой вместе с чарующими звуками «Романса» поселился дух белорусского поэта, я поняла: нет, вышей похвалы для переводчика, чем воссоздать произведение иноязычного автора (причем такого высокого ранга, как Богданович!) так, чтобы его перевод звучал как оригинал. Чтобы его перевод так же, не нарушая удивительную гармонию звуков, пелся на другом языке как настоящий романс.

А когда музыка поэзии рождается «по законам гармонии» звуков, «любящих друг друга», тогда, как будто на самом деле, «сверхтайное творится» и «неповторимость – повторяется» (Новелла Матвеева).

Библиографические ссылки

1. Багдановіч, М. Вянок: кніжка выбраных вершаў / М. Багдановіч. – Вільня: Друкарня Марціна Кухты. – 1913 [Факсімільнае выд.]. – Мінск: Маст. літ., 1981. – 120 с.
2. Багданович, М. Златни струни / М. Багданович. – София: Народна култура, 1984. – 112 с.
3. Вълчев, Н. Белоруската моя тетрадка / Н. Вълчев. – Мінск: Беллітфонд, 2000. – 270 с.
4. Стральцоў, М. На пачатку ўсіх пачаткаў / М. Стральцоў // Стральцоў, М. Жыццё ў слове: літ.-крытыч. артыкулы. – Мінск: Беларусь, 1965. – С. 14–331.

УДК 82.091

БЕЛАРУСКІ МАСТАЦКІ ПЕРАКЛАД ЯК СРОДАК УТВАРЭННЯ МІЖНАРОДНЫХ ЛІТАРАТУРНЫХ СУВЯЗЯЎ

К. А. Тарасава

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Мінск, Рэспубліка Беларусь
katsyarina_tarasava@mail.ru*

У артыкуле зроблена спроба разгледзець некаторыя асаблівасці развіцця мастацкага перакладу ў беларускай літаратуры. Складзены спіс моў, з выкарыстаннем якіх наладжаны ўстойлівы літаратурны абмен, сфарміраваны з дапамогай мастацкага перакладу.

Ключавыя словы: мастацкі пераклад; літаратурны сувязі; беларуская літаратура.